

секретарь райкома комсомола, знающий немецкий язык, но и ответственный работник окружкома. Аналогичное положение наблюдалось и в Житомирском округе, где отмечался «недостаток» немецкого работника в аппарате ОК ЛКСМУ. См.: Работа среди молодежи [из отчета ЦБ немсекций при ЦК ВЛКСМ] от 1.04.1927 г. – РГАСПИ, ф. 1-МО, оп. 23, д. 850, л. 30, 32. Ср. также: Выводы и предложения по обследованию работы ЛКСМУ в Карл-Либкнехтском районе [от 1.01.1929 г.]. – РГАСПИ, ф. 1-МО, оп. 23, д. 914, л. 82.

Надійшла до редколегії 25.12.2011

УДК 94 (477.7+430) «1932/1933»

А. И. Безносков

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ГОЛОД 1932–1933 ГОДОВ В НЕМЕЦКИХ И МЕННОНИТСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ ЮГА УКРАИНЫ: ХАРАКТЕР И ПОСЛЕДСТВИЯ

Проаналізовано характер голоду 1932–1933 рр. у німецьких і менонітських поселеннях Півдня України, методи боротьби з ним, а також його соціально-демографічні наслідки.

Ключові слова: німецькі колоністи, меноніти, голод 1932–1933 рр., закордонна допомога, жертви.

Проанализированы характер голода 1932–1933 гг. в немецких и меннонитских поселениях Юга Украины, методы борьбы с ним, а также его социально-демографические последствия.

Ключевые слова: немецкие колонисты, меннониты, голод 1932–1933 гг., зарубежная помощь, жертвы.

In the article analyzes the nature of the famine of 1932–1933 in the Germans' and Mennonites' settlements in the south of Ukraine, the methods of combating it, as well as its social and demographic consequences.

Key words: German colonists, the Mennonites, the famine of 1932–1933, Foreign aid, the victim.

Im Beitrag werden die Erscheinungsformen der Hungerkatastrophe von 1932–1933 in den deutschen und mennonitischen Siedlungen der Südukraine, die

Methoden ihrer Bekämpfung sowie die sozialen und demographischen Folgen analysiert.

Schlagwörter: deutsche Kolonisten, Mennoniten, Hunger von 1932-1933, Hilfe aus dem Ausland, Opfer.

Трагические события голода 1932–1933 гг. являются одной из сложнейших тем нашего исторического прошлого, вот уже более 20 лет остающейся в поле зрения отечественных ученых и активно обсуждаемой в широких кругах украинской общественности. Однако, к сожалению, еще до сих пор остается недостаточно изученным ряд аспектов этой проблемы, к числу которых относятся и события голода среди многочисленных национальных меньшинств Украины. Особенно это касается немцев и меннонитов, которые, как свидетельствуют документы, наравне с украинцами прошли через все страшные испытания того времени.

Одним из первых отечественных исследователей, который затронул в двух своих публикациях некоторые аспекты голода 1932–1933 гг. среди немецкого населения Украины, был В. Марочко [17; 18]. Затем в 1995 г. увидела свет статья В. Иваненко и А. Голуба, посвященная истории голода среди немецких колонистов Днепропетровской области [15]. Ее авторы, в частности, проанализировали влияние принудительной коллективизации и раскулачивания на возникновение голода в немецких поселениях. Большое внимание изучению зарубежной помощи голодающим и борьбе сталинской власти с ее распространителями уделил В. Ченцов в двух своих монографиях, посвященных изучению репрессивной политики большевиков в Украине в 20-е – 30-е гг. XX в. [20; 21]. Важной вехой в изучении данной темы стало также появление коллективной монографии Ю. Котляра и И. Мироновой [16]. Авторы ее, изучая события голода 1932–1933 гг. среди национальных меньшинств Юга Украины, довольно подробно исследовали и ряд вопросов, касающихся этнических немцев региона.

Целью же данной публикации является исследование на основе широкого комплекса ранее неизвестных источников событий массового голода 1932–1932 гг. в немецких и меннонитских поселениях Юга Украины, анализ методов и результатов борьбы с ним, определение его социально-демографических последствий.

В немецких национальных районах региона голод начался уже в декабре 1932 г. Сохранившиеся архивные данные позволяют проследить его возникновение, развитие и динамику, в частности, на приме-

ре Высокопольского немецкого района. Местные власти, безусловно, располагали сведениями о появлении голодающих. Об этом руководителей Высокопольского района своевременно известил инспектор районного отдела здравоохранения А. Колбун [11, л. 1–2]. Но власти, увлеченные проведением мероприятий по выполнению хлебозаготовок, не предприняли никаких действий по оказанию необходимой помощи голодающим. Об этом, в частности, свидетельствуют результаты анализа протоколов заседаний Высокопольского и Молочанского районных комитетов КП(б)У за декабрь 1932 – январь 1933 гг. [4]. Более того, информация о голоде руководством немецких районов замалчивалась перед вышестоящими инстанциями. Даже когда во второй половине января 1933 г. голод стал массовым явлением, районные власти жестко пресекали редкие попытки колхозников заявить о нем во всеуслышание. Так, в селе Пригорье колхозник Винс, выступая на собрании членов колхоза «Серп», заявил о невозможности выполнения хлебозаготовки и сборе посевных фондов и о том, что колхозники уже «два-три месяца совсем не едят хлеба». Реакция властей на это выступление была незамедлительной. После окончания собрания в доме Винса был произведен обыск, в результате которого было обнаружено «...муки и разных круп 4 пуда», а также «достаточное количество овощей, сала и мяса» [9, л. 3]. Этого, по мнению властей, вполне хватало для прокормления многочисленной семьи Винсов.

Между тем информация о массовом голоде в Высокопольском районе, благодаря донесениям сотрудников ОГПУ, в начале февраля поступила в Днепропетровский обком партии КП(б)У. Обком, получивший к этому времени сообщения аналогичного характера из многих других районов области, 10 февраля 1933 г. ответил специальным секретным циркуляром секретарям районных партийных комитетов и председателям райисполкомов. Согласно этому документу, районному руководству предписывалось принять немедленно все решительные меры по оказанию продовольственной помощи голодающим семьям колхозников, которые выработали 350–400 и более трудодней. Но необходимые средства для этого местные власти должны были изыскивать исключительно внутри колхозов или же в пределах своего района. Основной же упор должен был делаться на привлечение голодающих колхозников к поиску тайников со спрятанным хлебом, оборудованных их более дальновидными и предприимчивыми односельчанами. 10–15 % обнаруженного хлеба рекомендовалось выдавать тем, кто его обнаружил. Таким же способом должны были

спасать себя и колхозники, имевшие малое количество трудодней, а также единоличники, оставшиеся без хлеба [6, л. 3].

Лишь 17 февраля 1933 г. секретарь Высокопольского районного комитета КП(б)У И. И. Медлаге представил свой доклад, в котором сообщил обкому о результатах проверки информации ГПУ. Он, в частности, признал достоверность случаев голода в целом ряде населенных пунктов района. Так, в селе Натальино голодающими было признано 5 семей колхозников, в том числе 3 немецких: Лоренца Вальца, Кукенбергера и Марклингера. В селе Ивановка голодало 8 семей, из них 3 немецких: Андрея Руфа, Анны Копп и Андрея Коппа. 21 голодающая семья колхозников была зафиксирована в селе Заградовке [11, с. 3–5].

В действительности же положение в районе было значительно более катастрофичным. Это подтверждает, в частности, доклад того же Медлаге от 23 февраля 1933 г. Согласно его данным, только в обследованной части района было выявлено 1185 чел. с явными симптомами крайней формы голода: опуханием ног, рук, лица и полным физическим бессилием. Из этого числа лишь около 120 чел. были взрослыми, а остальные детьми. Самое большое количество голодающих насчитывалось в украинских селах Заградовке, Ивановке, Николаевке, Ворошиловке и Натальино, где голодало 780 чел. В немецком селе Суворовка, насчитывавшем 80 дворов, голодающими были признаны 75 местных жителей, а в Высокополье в 680 дворах голодало 285 чел. И, наконец, в меннонитском поселении Орлово, где имелось 93 двора, голодающих было 90 человек. Районные власти зафиксировали в это время случаи массового выезда колхозников в другие районы и местности для покупки продуктов питания. Меннониты, в частности, целыми группами отправлялись в ближайшие магазины «Торгсина» в Днепропетровске и Херсоне, где покупали за еще сохранившиеся у них золотые и серебряные вещи столь остро необходимые им продукты питания. Вскоре, однако, иссякли и эти средства [6, л. 3; 10, лл. 5, 8 об, 25].

Во второй половине февраля 1933 г. по решению обкома КП(б)У в Высокополье была отправлена медицинская комиссия в составе трех человек: уполномоченного областного отдела здравоохранения Гольденберга, врача Тульчинской и медсестры. Главной их задачей являлась организация медико-санитарного обслуживания голодающих. В четырех населенных пунктах района комиссия создала ясли, куда были помещены 945 голодающих детей из семей колхозников. Однако средства для питания детей были выделены крайне скудные.

Так, в месяц на одного ребенка полагалось лишь 2,7 кг. муки, 300 гр. подсолнечного масла, 400 гр. разных круп и 80 гр. сахара. Детям до 4-х лет полагалось молоко, которое, однако, поступало в ясли из колхозов лишь в том случае, если последние предварительно выполнили месячный продналог. Для наиболее пострадавших из числа взрослых был открыт госпиталь на 20 коек и в некоторых населенных пунктах организовано общественное питание [9, л. 3; 12, л. 25].

Особо следует отметить, что получать такую помощь имели право лишь лучшие колхозники и члены их семей. Прочие же колхозники и единоличники должны были спасаться от голода самостоятельно. Они питались семенами сорных трав, из которых выпекали хлеб, примешивая в него мясо павших свиней и лошадей. Естественно, употребление подобного «продукта питания» очень часто приводило к смерти голодающего.

Между тем масштабы голода в Высокопольском районе все более возрастали. По информации, имевшейся в распоряжении Днепропетровского обкома КП(б)У, в конце февраля 1933 г., когда случаи голода были зарегистрированы в 28 районах области, он входил в число 7 наиболее пострадавших. К 6 марта 1933 г. только число голодающих детей, которых необходимо было кормить в питательных пунктах, здесь возросло до 1027 человек. Однако завезенных в район продуктов питания катастрофически не хватало, поскольку власти не учли степень увеличения количества голодающих. Поэтому голодным детям выдавалось лишь 50 % от необходимого дневного рациона. Еще более трагичным было положение голодающих взрослых. Так как директива обкома и облисполкома об организации помощи голодающим не предусматривала выделения продуктов питания взрослым, за исключением колхозного актива, местные власти попытались им помочь, выдав кукурузу в початках. Однако голодающие употребляли ее в пищу в сыром виде, что привело к резкому возрастанию смертности среди них. Только в период с 12 по 19 марта по этой причине умерло 20 человек. Поэтому выделение кукурузы было прекращено. В это же время в районе были зафиксированы случаи заболевания брюшным тифом: 2 – в Кочубеевке и 1 – в Александровке. По состоянию на 8 апреля 1933 г. только в одном населенном пункте района – украинском селе Заградовка умерло от голода 143 чел. [11, лл. 18, 30]

Чтобы не сорвать начало приближавшихся полевых работ, райком партии 18 марта 1933 г. принял решение об организации общественного питания в колхозах. Однако выдача обедов планировалась

лишь для колхозников работающих непосредственно в поле. Продукты же для их приготовления должны были предоставить, главным образом, сами колхозники. И лишь небольшая их часть выделялась колхозами. Мясо и сало выделялось только хорошо работающим бригадам. Вместе с тем власти не забыли и о себе. Этим же решением для руководящих работников района была создана закрытая столовая. Для снабжения ее продуктами (молоком, мясом и овощами) организовывалось специальное подсобное хозяйство [5, лл. 41, 49].

Массовый голод среди немцев, наряду с Высокопольским, разразился также в других немецких национальных районах, в целом ряде немецких сел, находящихся в смешанных районах. Так, бывшая учительница Ю. Писарева, жившая в тот период в Молочанске, отмечает в своих воспоминаниях, что голод в одноименном районе начался сразу же после сбора урожая. Немцы-колхозники в Молочанске и в других немецких колониях голодали, были пухлыми, но массово не умирали [14, с. 128]. К сожалению, имеющийся в нашем распоряжении фактический материал позволяет показать масштабы голода на Молочной лишь на основании данных стационара местной районной больницы. Согласно этим сведениям, в период с 20 февраля по 20 июля 1933 г. лечение в больнице с диагнозом «полное истощение на почве недоедания» проходили минимум (информация за последние 2 декады мая не сохранилась) 20 немцев и меннонитов в возрасте от 2 до 85 лет. Из них умерло 8 чел. Украинцев и русских за этот же период с аналогичным диагнозом лечилось 55 чел., а умерло из них — 10 [13, л. 65]. Следует отметить, что, кроме Молочанска, в районе в это время имелись еще 2 больницы и не менее 6 медицинских участков, где, можно предположить, также находились на излечении пострадавшие от голода люди.

Особенно тяжелым было положение в немецких населенных пунктах, входивших в состав районов со смешанным населением. Так, на хуторе Колобатино (Розенгейм) Одесской области голодало практически все население. В самый пик голода местный колхоз выделял здесь продовольствие только работающим колхозникам. Каждому такому человеку выдавались лишь 1 кг кукурузной муки и небольшое количество постного масла в день. Члены семьи, естественно, в расчет не брались. Всего здесь голод унес жизни 12 чел. [23, с. 146].

Безусловно, настоящим спасением для голодающих могла стать зарубежная благотворительная помощь, как это имело место, например, в период голода 1921–1922 гг. Многие немцы и меннони-

ты обращались с письмами о помощи к своим единовѣрцам и единоплеменникам в Германию и Америку. Так, жительница села Вормс Одесской области Амалия Маух в своем письме писала следующее: «... Дорогие братья и сестры! Я одинокая женщина, имею пять детей и старуху мать. Помогите нам, не дайте умереть голодной смертью. Мужа осудили на 15 лет и сослали на Север. Мы здесь без родины, все у нас забрали, всюду нас преследуют. Помогите нам, спасите от гибели». [19, с. 180]. По данным ГПУ УССР, письма такого рода за границу к маю 1934 г. направили до 40 % жителей немецких колоний Одесской области [19, с. 181].

Голод в СССР совпал по времени с приходом к власти в Германии Национал-социалистической партии. Стремясь заручиться поддержкой населения, нацисты активно включились в антисоветскую кампанию, стремительно разраставшуюся в связи с сообщениями о голоде в СССР, который, по мнению многих наблюдателей, был инспирирован советскими властями. С германской стороны последовал ряд дипломатических демаршей с выражением озабоченности по поводу злключения немецких колонистов, а особенно германских граждан, проживавших в СССР, и требованием к советским властям разрешить оказание немецкому населению пострадавших от голода районов продовольственной помощи. Советская же сторона отрицала наличие голода и отказывалась принимать предлагаемую помощь. В свою очередь, руководители Германии выступили в марте 1933 г. с публичными обвинениями советского руководства в сокрытии правды о голоде.

В Германии еще в период эмиграционной волны советских немцев 1929 г. по инициативе российских немцев-эмигрантов из «Центрального комитета немцев Черноморья» была развернута массовая кампания по привлечению внимания германской общественности к проблеме беженцев из СССР. Руководство этой кампанией взял на себя специально созданный комитет «Братья в нужде», который выпускал брошюры и газетные статьи под названиями «Братья в нужде», «Из глубочайшей нужды», «В борьбе и смертной нужде» и т.п. После получения информации о массовом голоде среди советских немцев при активной помощи германских властей в июне 1933 г. в Берлине комитетом была организована первая выставка писем голодающих. В дальнейшем такие выставки стали устраиваться постоянно. Кроме того, организовывались собрания общественности, выходили статьи и публиковались брошюры, также посвященные голоду среди немцев СССР. В это же время активную деятельность разви-

ла и другая общественная организация «Союз помощи голодающим немцам СССР», которую создали и возглавили немцы-эмигранты из России: пастор Иоганн Бредель и профессор Георг Рат. Союз составил прошение, подписанное 25 тыс. человек, с обращением к правительству Третьего Рейха о разрешении выезда в Германию всем советским немцам [21, с. 72].

Своего апогея кампания обвинения советских властей в «истреблении голодом немецкого меньшинства», живущего в СССР, достигла к июлю 1933 г. В это время кардинал доктор Т. Иннитцер основал в Вене «Межконфессиональный и наднациональный комитет помощи». Секретарем комитета стал доктор Э. Амменде, бывший одновременно Генеральным секретарем Европейского комитета националистов. В работе комитета приняли участие представители многих общественных и религиозных организаций, не исключая и еврейские институты. Так, например, в качестве полноправного члена в комитет входил раввин доктор Фейхтванг. Эта организация, пользовавшаяся большим авторитетом, начала проводить активную кампанию по сбору средств в США, Англии и других западноевропейских странах, которые затем передавались комитету «Братья в нужде». В самой же Германии ряд организаций (Германский Красный Крест, Высший совет евангелических церквей, Союз немцев за рубежом и др.) обратился с призывом к населению Германии начать сбор пожертвований пользу «страдающих немцев» в СССР. В банках страны был открыт специальный счет «Братья в нужде», на который в числе первых внесли по 1 тыс. марок личных денег рейхспрезидент П. фон Гинденбург и рейхсканцлер А. Гитлер. Германское правительство ассигновало на помощь голодающим немцам в СССР 17 млн. марок [2, с. 231]. Нацистские лидеры умело использовали заговор молчания советских властей против голода, и, эксплуатируя идею национальной солидарности, завоевывали симпатии масс.

Накал антисоветской кампании в Германии был таков, что даже возникла реальная опасность полного разрыва дипломатических контактов с СССР. Но германское правительство не было заинтересовано еще в этот период в окончательном разрыве отношений с Советским Союзом. Поэтому попыталось, по крайней мере, официально, дистанцироваться от участия в антисоветской кампании. 5 июля 1933 г. министерство пропаганды рейха вынуждено было порекомендовать организаторам акций сократить количество публикаций о тяжелом положении немцев в СССР, а в тех, которые будут все же появляться, избегать прямых нападок на Советское правительство.

Но, несмотря на это, деятельность комитета продолжалась. Уже к августу 1933 г. ему удалось собрать около 500 тыс. марок. Большую работу по сбору средств, наряду с общественными организациями, проводили также и частные лица, такие как выходцы из России профессор Б. Унру, балтийский проповедник Мюллер, пробст Шиллинг, пастор Шимке [19, с. 72].

Первоначально организаторы помощи предполагали направлять ее крупными партиями в голодающие немецкие поселения Украины. Но поскольку Советское правительство, отрицая сам факт голода, не дало на это согласия, то германская транспортная фирма «Фаст и Бриллиант» наладила поступление продовольственных посылок на индивидуальные адреса. Кроме того, из Германии, других стран Западной Европы (Швейцарии, Швеции, Голландии) и США перечислялись деньги в твердой валюте на счета Торгсина, а квитанции отправлялись почтой отдельным немцам в СССР, которые могли по этим документам получить необходимые продукты и дефицитные товары в филиалах Торгсина. Из Германии обычно направлялись переводы на сумму в 5–10 марок [19, с. 72].

Однако в период наивысшего пика голода весной – в начале лета 1933 г. денег из-за границы поступало сравнительно немного. В Высокопольский район, например, они начали приходить уже в декабре 1932 г. [7, л. 13]. Основной же поток денежных переводов в районы, пострадавшие от голода, хлынул в конце лета – начале осени 1933 г., когда в Германии, в основном, закончился сбор необходимых финансовых средств и была получена более подробная информация о положении немцев.

Вначале советское руководство, официально отрицая факт массового голода в стране, тем не менее не препятствовало поступлению денежных переводов из-за границы, поскольку это позволяло получать столь дефицитную и остро необходимую для СССР валюту. На местах же по предложению секретаря ЦК КП(б)У Л. М. Кагановича партийные организации должны были организовать «путем постановки массовой работы» индивидуальные отказы колхозников от поступивших денег и передачу этих средств в фонд МОПРа. О своем решении каждый такой человек должен был сообщить «в довольно вежливой, но убедительной форме» в Берлин. Но, несмотря на уговоры и психологический прессинг далеко не все колхозники нашли в себе силы отказаться от переводов. Впоследствии один партийный работник из Спартаковского немецкого района, констатируя это, объяснял, что «слишком велико было искушение – в Торг-

сине так ослепительно белела мука-крупчатка, аппетитно пахли дунайские сельди, а дома у колхозника и кукурузной-то муки в ту пору не было» [19, с. 176].

Активную работу по оказанию помощи голодающим развили германские консульства в Украине: Киевское (консул – Генке), Одесское (консул – Рот) и Харьковское. Сотрудники консульств практиковали личные выезды в немецкие колонии для раздачи помощи, ежедневно принимали по 50–60 чел., просивших о материальной поддержке, предоставляли просителям адреса благотворительных организаций в Германии [19, с. 181].

В местах компактного проживания немцев и меннонитов как в результате самоорганизации населения, так и деятельности сотрудников консульств появились так называемые организаторы и распространители помощи. Ими, как правило, были священнослужители: пасторы и проповедники, активные члены церковных общин, некоторые учителя и другие лица, пользовавшиеся доверием большинства жителей. Эти люди занимались выявлением остро нуждающихся колхозников, предоставляли им адреса благотворительных фондов и обществ в Германии, иногда сами на свое имя получали средства, которые распределяли среди голодающих [19, с. 179].

В начале помощь поступала в адрес так называемой кулацкой части немецкого населения и репрессированных лиц. Затем ее стали получать нуждающиеся единоличники и колхозники. Поскольку, как уже отмечалось выше, власти вели активную и нередко приносящую эффект работу по организации отказов от денежных переводов, поступивших на имя голодающих, германские общества помощи вынуждены были менять тактику. В Спартаковский район, например, деньги (обычно 20–40 марок) стали пересылаться в почтовом конверте непосредственно конкретному адресату. И такие письма отправлялись уже не от имени организаций, а от отдельных лиц из различных городов Германии [19, с. 176].

К весне 1934 г. помощь из-за границы стала получать даже часть советского актива: председатели сельсоветов, колхозов и отдельные коммунисты. В Люксембургском районе, в частности, германской помощью было охвачено до 30 % колхозов и 10–20 % колхозников. Только за период с 11 марта по 21 апреля 1934 г. в район поступило 1788 переводов на общую сумму около 20 тыс. марок [8, л. 73]. Немецкому населению Высокопольского района с апреля 1933 по сентябрь 1934 гг. включительно из-за границы было направлено денежных средств на сумму 44392 руб. в золотом исчислении [1, с. 85].

В некоторых местах помощь стали получать даже некоторые жители (преимущественно из числа репрессированных) соседних украинских сел.

В целом же на адреса жителей немецких поселений юга Украины только за период с апреля 1933 по апрель 1934 г. из-за границы было переведено около 400 тыс. руб. золотом, в том числе в Одесскую область поступило 132321, в Днепропетровскую – 203 тыс., в Донецкую – 60 тыс. и в Молдавскую АССР – 2,5 тыс. руб. [19, с. 180]. Большие финансовые средства из-за границы продолжали приходиться и в дальнейшем. Продовольствие, закупленное на эти деньги, позволило спасти жизни тысяч голодающих немцев. Именно иностранная финансовая и продовольственная помощь, наряду с более высоким материальным уровнем, еще частично сохранившимся с предшествующих времен, позволила избежать значительной части немцев и меннонитов судеб нескольких миллионов украинских крестьян, ставших жертвами массового голода. Но немцы и меннониты также внесли свою лепту в этот трагический мартиролог. По данным В. В. Ченцова, в 1933 г. в Украине от голода умерло не менее 13 700 этнических немцев. Из них 12 тыс. проживали в сельской местности [20, с. 58]. Имеющиеся статистические данные позволяют предположить, что человеческие потери меннонитов по сравнению с немцами были относительно невелики. Так, в Высокопольском районе, по сведениям немецкого исследователя К. Штумппа, жертвами голода стали 323 чел., из них 213 были меннонитами, а 110 – немцами [25, s. 58]. В Хортицком районе, населенном почти исключительно меннонитами, по сведениям того же автора, умерло 36 чел. [24, Taf. A]. В немецких же районах Одесщины смертность от голода была выше в десятки раз. Только в селе Кандель Зельцкого района от голода умерло свыше 300 чел., а в селе Карлсруэ Карл-Либкнехтовского района его жертвами стали 132 чел. [22, s. 393].

С конца 1933 г. относительно терпимое отношение советских властей к получателям помощи из Германии резко изменилось. Одной из основных причин этого явилось начавшееся ухудшение имиджа Советского Союза в глазах широких слоев населения зарубежных стран, что было вызвано во многом широкомасштабной кампанией по сбору средств голодающим и носившей явно выраженный антисоветский характер. Кроме того, органы ГПУ и отдельные руководящие работники из числа немцев-коммунистов стали сообщать в вышестоящие инстанции об обострении политической ситуации в местах компактного проживания немецкого населения. В докладной за-

писке председателя ГПУ УССР В. Балицкого ЦК КП (б)У, в частности, отмечалось, что «германские консульства через свою кулацкую агентуру проводят массовую фашистскую обработку колонистов и организуют специальные кадры корреспондентов, направляющих по определенным адресам в Германию провокационные письма о голоде и смертности на Украине» [19, с. 180]. Кроме того, по данным агентуры, германские дипломаты осуществляли «в помещениях консульств фашистскую обработку посетителей – немецких колонистов, указывая им о близкой интервенции Украины германскими войсками» [19, с. 181]. Такие действия консульских работников, по мнению чекистов, вели к «срыву хозяйственно-политических кампаний на селе, не вступлению в колхозы, отказу от землепользования, развитию переселенческих тенденций и вредительству» [19, с. 181]. В подтверждение своих выводов В. Балицкий указал на факты массового невыхода на работу в колхозах Люксембургского района (Марьяновке, Сергеевке и др.), где данное явление имело место в бригадах, получающих «гитлеровскую помощь». В Молочанском, Спартакском и других районах ряд лиц, получающих помощь из Германии, отказался от землепользования, рассчитывая на систематическое ее получение в дальнейшем. В Молочанском районе Днепропетровской области и Старо-Каранском районе Донбасса многие председатели колхозов обращались в Германию за «гитлеровской помощью», мотивируя свой поступок тем, что присылка валюты укрепляет финансовое положение Советского Союза [19, с. 181]. Политической «коррозии» подвергся даже целый ряд видных партийно-советских работников, ранее активно и неуклонно осуществлявших политику коммунистической партии среди немецкого населения Украины. По сообщению одного бдительного и более «стойкого» их коллеги, коммунисты Кноре, Гоккель (редактор журнала «Нойланд»), Ландер, О. Байтингер (директор Пришибского немецкого педтехникума), Гейер (директор Пришибского машиностроительного техникума), М. Биллик (директор Хортицкого немецкого педтехникума) и Головский восстановили свое германское и австрийское гражданство, «надеясь резервировать себе на всякий случай заступничество соответствующих консульств». Причем Головский, выехав временно на свою родину в Австрию, оттуда уже не вернулся [8, л. 23].

Естественно, игнорировать вышеназванные факторы власти не могли. В Украине развернулась кампания по борьбе с «гитлеровской помощью, подрывающей авторитет социалистического государства». Получатели посылок и денежных средств из-за границы,

которые не хотели сдавать их в фонд МОПРа, объявлялись контрреволюционерами и агентами германского фашизма. По линии НКВД на места пришли указания «запретить всякого рода выезды представителей консульств в села для раздачи помощи и проведения провокационной работы». За пределы СССР были выдворены секретарь германского консульства в Одессе Ганн, представители германского транспортного общества «Дейч-Леванти Линие». В августе 1934 г. Советский Союз отказался принимать пожертвования и посылки комитета «Братья в нужде», обвинив его в антисоветской деятельности. На местах же карательные органы развернули активную работу по выявлению так называемых организаторов «гитлеровской помощи». К маю 1934 г. в Украине по этому обвинению было арестовано 65 чел., преимущественно из церковных кругов и из числа кулаков. К аресту намечалось еще около 60 чел. Суровым преследованиям подверглись работники местных отделений Торгсина, которые с целью повышения доходов своих учреждений выезжали в колонии, где агитировали население активнее обращаться за иностранной помощью. Кампания борьбы с «гитлеровской помощью» спровоцировала активный поиск «контрреволюционных фашистских организаций» в различных немецких районах Украины. При этом основным удар был нанесен по учреждениям народного образования. По данным ГПУ УССР, к 22 мая 1934 г. была раскрыта «фашистская организация» в Хортицком педтехникуме (глава – вышеупомянутый М. Биллик), в которую якобы входил почти весь педагогический персонал, арестованы по аналогичному обвинению директора Пришибских машиностроительного и агрономического техникумов, соответственно, Гейер и Компфгаузен (подданный Германии). В Одесской области за «связь с фашистами» арестовали политэмигранта – заведующего Зельцской десятилеткой Гаугера, профессора Штрема и др. Донесения сотрудников ГПУ также свидетельствовали о якобы массовой пропаганде идей фашизма учителями немецких школ Люксембургского, Молочанского, Карл-Либкнехтовского районов [19, с.183–184].

С осени 1934 г. высшее партийное руководство стало уделять все большее внимание ситуации, складывавшейся в местах компактного проживания немецкого населения. Так, 15 сентября 1934 г. ЦК КП(б) У принял особое постановление «О работе Молочанского райкома партии Днепропетровской области», которое предписывало органам НКВД провести мероприятия «по решительному освобождению района от антисоветских элементов, связанных с немецким фашизмом»

[8, л. 10]. ЦК ВКП(б) 5 ноября 1934 г. направил зашифрованную телеграмму партийным комитетам, обязав их в немецких районах «принять по отношению к активным контрреволюционно и антисоветски настроенным элементам репрессивные меры, произвести аресты, высылку, а злостных руководителей приговорить к расстрелу». Местным органам давалось указание «потребовать от немецкого населения полного прекращения связи с буржуазно-фашистскими организациями: получение денег, посылки» [21, с. 76]. Коммунисты должны были разъяснить немцам, что отныне власть не потерпит малейших проявлений нелояльности к советскому строю. Вместе с тем, хорошо сознавая, что стабилизировать ситуацию в районах компактного проживания немцев и меннонитов лишь мерами репрессивного и идеологического характера невозможно, центральное партийное руководство рекомендовало региональным властям оказать помощь голодающим немецким колхозам продовольствием, семенами, фуражом, списанием задолженности по государственным кредитам, но исходя из их собственных возможностей.

На основе этой директивы ЦК ВКП (б) были разработаны аналогичные документы на уровне областных организаций. Так, Днепропетровский обком партии первое такое решение подготовил уже 21 ноября 1934 г. Однако, несмотря на принятые меры, политическое и экономическое положение продолжало оставаться очень сложным. Поэтому позже были приняты и два других постановления, посвященные сложной ситуации, сложившейся в немецких районах области, и мерам по ее преодолению. В них областные власти хотя и констатировали, что «политическая обстановка в немецких районах за последнее время улучшилась и укрепилась», все же вынуждены были признать «достигнутый... эффект еще крайне недостаточным» [8, лл. 5–6]. И вновь, как и ранее, в качестве первоочередных задач был сделан упор на проведение мероприятий репрессивного и пропагандистского характера. Так, предлагалось окончательно выселить из немецких районов так называемые кулацкие элементы, организовать несколько показательных судов «над руководителями фашистских групп и организаторами гитлеровской помощи», срочно заменить в Молочанском районе 26 учителей, провести массовую чистку медицинского персонала и работников торговли этого же района, наладить поступление в районы соответствующей политической литературы и т.п. При проведении массовой политической работы среди колхозников коммунисты как можно шире должны были освещать «процессы разложения фашистской Германии, тяжелое положение германских рабочих и мелких крестьян, героическую борьбу

германской компартии против фашистского режима» [8, л. 7]. Принял обком и решение о дополнительном выделении наиболее пострадавшим колхозам Молочанского района дополнительно 3 тыс. центнеров продовольственной ссуды. Но, даже получив это зерно, такие колхозы могли увеличить выдачу хлеба на трудодень лишь до 600–700 гр. Люксембургскому же району для аналогичной цели выделялась всего 1 тыс. т зерна [8, л. 10].

Более существенное и важное значение для социально-экономического развития немецких районов имело принятие решения о проведении в ближайшем будущем широкого комплекса мероприятий по укреплению и развитию племенного животноводства, являвшегося важнейшей отраслью экономики районов, существенному повышению уровня механизации путем создания новых МТС в немецких районах, поставок туда новой техники и производственной электрификации колхозов. Только реализация на практике этих задач, наряду с решением других важных вопросов, позволила уже в течении первой половины 1935 г. значительно улучшить социально-экономическую ситуацию в немецких колхозах, а концу 30-х гг. превратить многие из них в число самых передовых сельскохозяйственных предприятий не только Украины, но и всего Советского Союза.

Таким образом, подводя итоги вышесказанному, можно констатировать следующее.

На рубеже 1932 и 1933 гг. в немецких и меннонитских поселениях Юга Украины начался голод, постепенно охвативший широкие слои населения. Помощь голодающим со стороны государства была запоздалой и крайне незначительной. Остроту голода среди немцев и меннонитов позволял сглаживать более высокий, по сравнению с остальным сельским населением, уровень материального благосостояния. Свою важную роль в спасении жизней значительной части немцев и меннонитов региона сыграла и зарубежная помощь.

Библиографические ссылки

1. *Безносков А. И.* Меннониты Юга Украины в годы «великого перелома» (1928–1933) / А. И. Безносков // Вопросы германской истории : сб. науч. тр. – Д., 2001. – С. 75–91.

2. *Герман А.* Борьба с фашистами и их пособниками / А. Герман // Немцы России: энциклопедия: т. 1: А–И / ред. кол.: В. Карев (пред. ред. кол.) и др. – М. : ЭРН, 1999. – Т. 1. – С. 231–233.

3. *Герман А. А.* История немцев России: учеб. пособие / А. А. Герман, Т. С. Иларионова, И. Р. Плева. – М. : МСНК-пресс, 2005.

4. Государственный архив Днепропетровской области (далее – ГАДО). – Ф. П-19, оп. 1, д. 277
5. ГАДО. – Д. 754.
6. ГАДО. – Д. 755.
7. ГАДО. – Д. 756.
8. ГАДО. – Особая папка.
9. ГАДО. – Ф. Р-2240, оп. 1, д. 38.
10. ГАДО. – Д. 75.
11. ГАДО. – Д. 76.
12. ГАДО. – Д. 79.
13. ГАДО. – Д. 86.
14. Злочин / упоряд. М. Кардаш. – Мельбурн–Австралія–Київ : Вид-во «Фортуна», 2003. – 556 с.
15. *Иваненко В. В.* Голод начала 30-х годов и судьба немецких колонистов / В. В. Иваненко, А. И. Голуб // Вопросы германской истории. Немцы в Украине : матер. украинско-германской науч. конф. – Днепропетровск, 26–29 сентября 1995 г. – Днепропетровск, 1996. – С. 150–157.
16. *Котляр Ю. В.* Голодомори 1921–1923 рр. та 1932–1933 рр. на Півдні України: етнічний та міжнародний аспекти / Ю. В. Котляр, І. С. Міронова. – Київ–Миколаїв : Вид-во МДГУ імені Петра Могили, 2008. – Кн. 2. – 204 с.
17. *Марочко В.* Голод у національних районах України / В. Марочко // Освіта. Спецвипуск-підручник, 1993. – № 1. – С. 9–14.
18. *Марочко В.* Хунгер – значить голод: [Свідчать архіви] / В. Марочко // Віче. – 1993. – № 8. – С. 136–146.
19. Німці в Україні. 20–30-ті рр. ХХ ст. : зб. док. держ. архівів України / Інститут історії України НАН України, Центральний державний архів вищих органів влади і управління України / упоряд. Л. В. Яковлева, Б. В. Чирко та С. П. Пишко. – К. : Інститут історії України НАН України, 1994. – 244 с.
20. *Ченцов В. В.* Політичні репресії в Радянській Україні в 20-ті роки / В. В. Ченцов. – Тернопіль : Збруч, 2000. – 482 с.
21. *Ченцов В. В.* Трагические судьбы. Политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920–1930-е годы / В. В. Ченцов. – М. : Готика, 1998. – 208 с.
22. *Bosch A.* Entstehung, Entwicklung und Auflösung der deutschen Kolonien am Schwarzen Meer am Beispiel von Kandel von 1808 bis 1944 / A. Bosch, J. Lingor. – Stuttgart : Landsmannschaft der Deutschen aus Russland e. V., 1990. – 546 s.
23. *Philipps J.* Die Dorfgeschichte von Rosenheim / J. Philipps // Heimatbuch der Deutschen aus Russland. – 1985–1989. – Stuttgart : Verlag Landsmannschaft der Deutschen aus Russland, 1989. – S. 143–151.
24. *Stumpp K.* Bericht über das Gebiet Chortitza im Generalbezirk Dnjepropetrowsk / K. Stumpp. – Berlin : Publikationsstelle Ost, 1943. – 10 S., 11 Taf.

25. Stumpp K. Die deutschen Siedlungen des Kronau-Orloffter Gebietes / K. Stumpp Heimatbuch der Deutschen aus Russland. – 1958. – Stuttgart : Verlag Landsmannschaft der Deutschen aus Russland, 1958. – S. 22–32.

Надійшла до редколегії 05.03.2012

УДК 94 (47+430): 334.73

Б. В. Чирко

Академія муніципального управління (м. Київ)

СПЕЦИФІКА ДІЯЛЬНОСТІ ТА СТАВЛЕННЯ ОРГАНІВ РАДЯНСЬКОЇ ВЛАДИ ДО НІМЕЦЬКИХ НАЦІОНАЛЬНИХ КООПЕРАТИВНИХ ОРГАНІЗАЦІЙ

Досліджено діяльність німецьких та менонітських кооперативних організацій в Україні у 1920-х роках. Особливу увагу приділено ставленню до «національної» кооперації з боку радянських владних структур. Джерельну базу становлять документи Центрального державного архіву вищих органів влади та управління України в м. Києві.

Ключові слова: кооператив, організація, радянський, німці.

Исследована деятельность немецких и меннонитских кооперативных организаций в Украине в 1920-х годах. Особенное внимание уделено отношению к «национальной» кооперации со стороны органов советской власти. Источниковедческую базу публикации составляют документы Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины в г. Киеве.

Ключевые слова: кооператив, организация, советский, немцы.

In the article the Germans and the Mennonite co-operative organizations activity in Ukraine in 1920-th years is investigated. Special attention is paid to the Soviet Power structures attitude to the «national» co-operative organizations. The database contains the documents of the Central State Archives of Ukraine, Kyiv.

Key words: cooperative, organization, Soviet, Germans.

Es wird die Tätigkeit der deutschen und mennonitischen kooperativen Organisationen in der Ukraine der 1920er Jahre analysiert. Besonderes